

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО И ЕГО ОБОЛОЧКИ: АРХИТЕКТУРА, КОСТЮМ, ТРАНСПОРТ

Виды культуры – костюм, архитектура и транспорт – рассматриваются как оболочки человеческого тела. Вне этих оболочек человек не существует как существо, наделенное интеллектом и созидательной силой. Они обусловили распространение Homo Sapiens по планете, расширили географические и исторические горизонты, помогли освоить Землю и шагнуть в космос в поисках иных миров и иного разума.

Ключевые слова: человеческое тело, оболочка, костюм, архитектура, транспорт.

Артефакты, какими бы различными и специфическими они ни были, никогда не теряют связи с нашим телом. Как отмечал известный американский дизайнер Дж. Нельсон, все изделия соотносятся с человеком, одни более тесно, другие менее [1. С. 203]. Микропроцессор, доменную печь или космический спутник с телом связывает его физиология, обусловившая возможность их создания и конкретные формы, в которых они оказались воплощены. Наши представления о малом, едва заметном, легком обуславливают миниатюрность электронных схем, например в наручных часах. Исходя из интуитивного ощущения масс, размеров, скоростей человек создает предметы, всегда существующие в отношении к телу. Целый ряд вещей является продолжением тех или иных частей тела, а их сущность исследователи видят «в усилении “органов” и потенциалов человека» [2. С. 9].

Связь между телом и предметом хорошо вскрывается там, где в силу технического прогресса предмет приобретает виртуальный вариант. Напечатанная книга и электронная ее версия не только по-разному воспринимаются, но и по-разному влияют на усвоение информации. То, что мы держим в руках, обладает большей реальностью, а воспринимаемое – более надежно закрепляется в памяти, нежели то, что считается с экрана. Эта связь с текстом, по сути, физическая связь – мы словно держим буквы, что призвано обеспечить такую же цепкость в памяти. И, наоборот, технические новинки, воспринимающиеся со стороны как не имеющие контакта с телом, вызывают ощущение абсурда.

Современники А. Белла казались полными чудачками, беседующими с деревянными коробками и латунными трубками. Позднее образ человека, произносящего «алло», стал привычным символом городской цивилизации, но стоило телефону в ходе своей эволюции потерять провод между трубкой и аппаратной коробкой, как его пользователь вновь обрел имидж идиота, говорящего с самим собой. За каких-нибудь 15 лет мы привыкли к нему, и как только «плотское» единение телефона с телом стало поддерживаться едва заметными проводками гарнитуры, исчезающей в ушных раковинах, человек вновь превратился в нашем восприятии в умилищенного, общающегося с пустотой. Тем более велика близость к телу предметов, которые настолько плотно, повсеместно и всегда нас окружают, что, по сути, являются нашими оболочками. К ним можно отнести костюм (одежду), архитектуру и транспорт.

Когда-то они оберегали тело, затем обрели дополнительные функции, например презентации, декорации, социальной детерминации, сохранив роль оболочек. Костюм пустотен, создан для заполнения изнутри,

он оболочивает тело, даже если это кусок материи или драпировка, подобно античной одежде [3. С. 72]. Соприкоснувшись с телом, геометрическая фигура, например прямоугольник греческого гематия, теряет правильность, подчиняясь выпуклостям, выступающим частям. Он натягивается в одном месте и собирается складками в другом. Его евклидова сущность обращается в криволинейность неевклидовых геометрий. Парадокс заключается в том, что в течение тысячелетий и в наши дни чтобы закрыть тело, лишенное выраженных геометрических форм, мы используем геометрически правильные заготовки для одежды. Из выкроек создается то, что покроет поверхности, лишенные геометрической ясности. Голова далека от сферы, однако закрывает ее правильных форм цилиндр, котелок или каска. Стоит ли упоминать развитые архитектурные формы или лекала автомобильного дизайна. Архетип-матрица дома – треугольник двух скатов крыши, фронтон над прямоугольным фасадом. Колесо, без которого немыслимы многие виды транспорта, есть круг, совершеннейшая из всех геометрических фигур. Таким образом, тело, которое невозможно исчерпывающим образом описать через геометрию Евклида, в евклидовом пространстве нашей реальности «оболочено»¹ геометрическими формами.

Тело спрятано в костюм, как в футляр. Оберегая себя, мы находимся внутри того или иного здания. Транспорт, особенно на ранних стадиях своего развития, не всегда давал возможность укрыться, однако со временем появившиеся корабли с трюмом и надстройкой, крытые повозки, кареты и паланкины превратились в надежное укрытие, в подобие дома, движущегося в пространстве. Одежда перемещается на наших плечах, здание, как правило, неподвижно, транспорт перемещает нас самих. И вместе с тем все три вида оболочек обуславливают движение, расширяют географию, делают возможным любое освоение и любой маршрут. Оболочки тела ограждают его от пространства, но сами «врубаются» в него, расширяясь своими стенами, площадями, перекрытыми кубатурами, или стремительно дрейфуют из одной локации в другую, приращивая окружение, разрастаясь подобно телу без органов в концепции Ж. Делёза [4. С. 22]. Длительное движение доступно благодаря оболочкам. Если рассматривать генезис человеческого тела сквозь призму географии его происхождения, то очевидной будет его ограниченность. Физиологически тело не приспособлено к широтам, в которых плюсовые значения температуры могут опускаться немногим ниже +20°C. Климатический пояс, в котором отсутствуют температуры ниже +20°C с учетом суточных и годовых перепадов, сравнительно невелик. Этим погодным условиям соот-

ветствует Восточная Африка: в Сомали в районе Бербера даже в феврале средняя температура составляет +26°C [5. С. 128]. Здесь, согласно современным научным данным, предковая популяция нашего вида обитала более 160 тыс. лет назад [6]. Как только человек научился «облачиваться» тело, он смог пересечь границы этого пояса, отойдя от них на тысячи километров. Это обстоятельство косвенно подтверждает тот факт, что первый выход за пределы черного континента в Азию, имевший место 135–115 тыс. лет назад, оказалась неудачным – азиатская группа переселенцев исчезала [6]. Возможно, тогда Сапиенс еще не был знаком с одеждой и жилищем. Их изобретение позволило биологическому виду стать повсеместным, порвав с важнейшим качеством животных – географической ограниченностью ареала.

Оболочки тела не только осуществили разрыв в плоскости физиологии, но и выделили человека из фауны на уровне культуры, определив культуру как важнейшее его отличие от зверя. Тело породило условие этого разрыва, оно стало объектом, разрабатывая предметы для которого, человек стал человеком. Прimitивные народы используют тело как субстрат для конструирования, так как привнесение в него того, чего не было от природы, отличают человека от окружающей его фауны. Так появляются росписи, татуировки, специальные шрамы, прокалывание, изменение формы губ, ушей, шеи и головы. Атавизм этой практики мы наблюдаем и сегодня, когда украшаем себя кольцами и браслетами или внимаем советам спортивного инструктора, наращивая мышцы здесь, убирая жир там... До появления одежды именно манипуляции с телом являлись знаком отличия человека от животного, а уже на более поздней стадии таким маркером стал костюм.

Оформившись в значимую оболочку, костюм превратился в «неотъемлемую» (обязательную) инсигнию человеческого состояния. Этим объясняется табуирование наготы во многих обществах, где культура одеваться сильно развита. По отношению к рисунку на теле ткань с рисунком более вариативный предмет. Это же можно сказать и о костюме, и о его аксессуарах, например, о разнообразии изображения человека и его *ка* в египетских гробницах – в длинной или короткой одежде, в парике или без него, что было вызвано социальной или ритуальной необходимостью [7. С. 152–165]. Возможность варьирования оболочки превратилась в почти демиургическое отличие человеческой природы от любой другой. Изменить костюм легче, чем здание, но перестройки в архитектуре продиктованы часто не утилитарной надобностью или требованием ремонта, а модой. С ее позиции платье и сооружение *устаревают* задолго до того, как успевают прийти в физическую негодность, износиться [1. С. 87]. Модное здание, как и модный костюм, есть маркер своего владельца, вернее, его тела, которое зачастую менее представительно, чем оболочки.

Восприятие архитектуры как одеяния известно из религиозных сравнений: Рауль Глабер сказал о мире после 1000 года, будто тот облачился в белые платья церковью [8. С. 101]. Очевидна связь между зданием и телом как образами: согласно Витрувию, колонны классического ордера уподоблялись мужским и жен-

ским фигурам [9. С. 138]. А. Палладио, объясняя причину, по которой древние использовали в храмах некоторых женских божеств коринфский ордер, говорит о соответствии убранства этого ордера «нежному девическому возрасту» [10. С. 7]. Витрувий видел связь между пропорциями тела и храма [11. С. 61–63]. Христианский храм есть «изображение человека, который обожествляет сам себя, обратившись к Богу»: части здания представляют части Его тела [12. С. 41]. Даже чисто механически, «как и здание, обнаженная фигура представляет собой баланс между идеальной схемой и функциональными потребностями» [13. С. 29]. Телесность архитектуры как архетип уходит корнями в первобытность. Планы неолитических храмов с округлыми апсидами на Мальте намекают на тучные формы Великой Богини (представленные и в скульптуре того периода) [14. С. 191].

Архитектура – оболочка, и в первобытном сознании мыслится как укрытие для тела. Сокрытие тела со всех сторон есть проекция, есть процесс «оконтуривания» тела. Так, матрешка полностью скрывает меньшие фигуры, целиком повторяя их. Вторя телу пространственно, архитектура принимает понятия, которыми мы обозначаем части тела или детали костюма. Вот некоторые примеры этого антропоморфизма: пята свода, пояска капители, рукава трансепта, стропильная нога, глава, кокошник, каблучок. Транспорт отчасти перенимает этот же терминологический антропоморфизм. *Нос* самолета и корабля, *лобовое* стекло автомобиля, *спинка* кресла, *колпак* кокпита, *ребро* шпангоута, муфта, ремень, кулачки. Транспорт как более поздняя по своему развитию оболочка заимствует ряд понятий у оболочек более ранних, например, из архитектуры – салон, люк, крыша.

На связь между костюмом, транспортом и архитектурой как оболочками тела указывает еще один вид предметов – посуда, точнее сосуды, обнаруживающие антропоморфизм на терминологическом уровне (ручки, тулово, ножка, носик, горлышко и т.д.). Сосуд мог быть вместилищем тела в ритуальных случаях. Размещение праха в сосуде или вложение сосуда в погребение обозначало физические границы тела, придавало форму бесформенному – сыпучему пеплу. Сосуд выполнялся в виде мифического существа или человека с росписью, имитирующей одежду², а также в виде здания³ или повозки⁴. Глина (любой материал, найденный в грунте) становилась субстанцией телесности, «мясом», из которого делали и здание, и колеса для колесницы, а природным асфальтом обмазывали плетеные лодки [15. С. 689]; так, например, для корабля Утнапиштира «дита приносило смолу земляную» [16. С. 56]. И если боги создали людей из глины» подобно шумерскому Энки или греческому Прометею, человек творил из нее города, дороги, мосты и корабли.

Телу, «вылепленному» божеством из глины, соответствовала оболочка из глиняного кирпича (дом). На семиотические параллели между телом, его оболочками и сосудом указывают исторические, мифологические и сказочные эпизоды: сосуд становится вместилищем тела, убежищем или жильем для разных персонажей – от Диогена до Буратино. Высшим сакральным проявлением связи между сосудом и телом является

Св. Грааль (если таковой был чашей) или, в литургическом варианте, потир и патена (в православии дискос) для Св. Даров, т.е. крови и плоти Иисуса Христа. В художественной практике подобная аналогия обнаруживается в вазовых росписях с фигурами богов, героев и людей. В краснофигурной греческой вазописи цвет обнаженного тела являлся цветом обожженной глины, не закрытой черным лаком фона, и, таким образом, тело сосуда становилось телом изображенного на его поверхности персонажа. Сохранились ритоны и аски в форме человеческой фигуры или головы⁵. Сосуд мифопоэтическим сознанием легко превращался и в транспортное средство: в стеклянной вазе опускается на морское дно Александр Македонский, в бочку заколачивают мать и дитя, отпуская их в море, в ступе перемещается Баба-Яга. И, наконец, танагрская пластика, глиняная народная игрушка, фарфоровая скульптура малых форм в Тюрингии и Саксонии XVIII в. выражают близость тела, глины и одежды, которая характеризует последнюю как оболочку. В этих видах мелкой пластики огромное внимание уделено костюму, в деталях воспроизведенному мастером согласно эпохе, стилю и моде.

В повседневности огромное значение мы уделяем трем оболочкам наших тел, усматривая в них не только незаменимый функционал, но и нечто с нами связанное по сути. *Дом – автомобиль – костюм* не просто триада буржуазно необходимого, элементы того, что Дж. Нельсон называл «сверхкомфортом» [1. С. 36], но и архетип, невозможность существования без которого мы прекрасно осознаем. Эта триада проистекает не из утилитарного капиталистического мировоззрения, а из того архетипа, который как формула сложился на заре истории. Наши капиталистические декорации лишь обусловлены эпохой и экономической формацией, но наличие оболочек тела предопределено «от природы», хотя они и имеют теперь антураж современной жизни (престижная недвижимость, дорогой автомобиль, хороший костюм). Человек порой не мыслится вне этих маркеров благосостояния, которое поверяется ими как эталоном. Отношение к человеку через оболочку происходит потому, что она посылает в социальный космос более сложный сигнал, чем просто сведения об успехе владельца. Этот сигнал является пучком каналов, каждый из которых несет информацию о стоимости, вкусе, брендовых привязанностях, кругозоре, политических симпатиях, сексуальных пристрастиях и т.д. Каждый из каналов достигает только своего адресата, не обязательно все они с равным успехом устанавливают коммуникацию абсолютно со всеми реципиентами, с завистью или негодованием взирающими на глянцевую поверхность новенького авто или твид дорогого костюма.

Если подобная коммуникация имеет метафизический характер, то есть и такая ее разновидность, которая связывает архитектуру, транспорт и человеческое тело физическим образом. Транспорт сопряжен с архитектурой градостроительными нитями. Для него прокладываются улицы и проспекты, развязки и тоннели. Уже в древности дорога и мост были объектами коммуникационной архитектуры как для пеших странников, так и для транспортных средств. Миф об Эдипе

иллюстрирует дихотомию пути, движение пешехода и всадника: будущий царь Фив убивает отца, не желая уступить дорогу его колеснице. Римская империя и наиболее материальный символ ее могущества – архитектура – существовали, пока были исправны римские дороги, связывающие отдаленные провинции. Как только империя пала, стали приходить в негодность ее памятники: от запустения, пожаров или при демонтаже ради материала для уже других зданий. С исчезновением дорог, транспортных потоков и целых городов стало исчезать и человеческое тело. Неспособное существовать в других условиях, вне своих оболочек, оно было обречено на физическую гибель. Численность населения сократилась, оно деградировало. Когда Теодорих возвел мавзолей в Равенне, он построил оболочку для смертного тела. Этот правитель Италии вряд ли нуждался в комплиментах своим оболочкам: руины дворца намекают на уровень комфорта, а одежда, должно быть, соперничала по богатству с мантией византийского императора. Но даже он не мог отыскать мастеров, которые бы знали технику возведения свода. Мавзолей перекрыт каменной глыбой, отесанной и уподобленной сегментарно-сферическому куполу [17. С. 99]. Что же говорить о рядовых общинниках, подданных варварских королей, ютившихся в примитивнейших мазанковых домишках, кутавшихся в тряпье, состоявшее по «моде» того времени из элементов местных этнических костюмов и романизованного платья. Их оболочки были незамысловаты, как и их жизнь на руинах Античности.

Сведения о жилой архитектуре на основании письменных источников и археологических данных крайне ограничены. Однако то, чем мы располагаем, не позволяет отнести народное жилище Средневековья к высокому уровню комфорта даже для людей ко всему привыкших и приспособленных к экстремальным состояниям среды. Деревенский дом, схематично описанный Р. Фосье как пятнадцатиметровый по площади и с земляным полом, был и по тем временам примитивным сооружением для сохранения того, что мы вкладываем в понятие семейного очага [18. С. 108]. Людей окружали голод и холод, усугублявшиеся низкими технологиями, неспособными им противостоять. Конструктивно архитектура оберегала человека на пределе своих технологических возможностей. Даже каменные сооружения приносили немало проблем. Культовые постройки практически не обогревались, как и замки, отчего сеньоры предпочитали дорогие ковры, отгораживая ими отсеки внутри больших помещений. Жаровня и очаг излучали тепло в ограниченное пространство. Французский король Генрих III вынужден был брать охотничьих собак в постель, согреваясь их теплом. Долгое время средневековый костюм, как и античный, не был выполнен по выкройкам. Это были куски ткани, в которые кутались, или которые подвязывали различными способами. Костюм не обладал должной степенью герметичности: штанины натягивались и крепились к поясу, как чулки, рукава шнуровали к верхней одежде, плащ без рукавов заменял пальто. Оболочка имела разомкнутый характер, а одеждой считался любой отрез материи: Св. Мартин одел нищего, разрезав свой плащ пополам [19. Т. 2. С. 292];

Св. Франциск, раздевшись дабы отдать все отцу, получил от доброго огородника только плащ, прикрывавший наготу [20. С. 45].

Современный человек герметично скрыт своими оболочками. Костюм, особенно на холодное время года, облегает тело, соответствуя ему своими частями. Он многослоен, непромокаем, непродуваем, а толстая подошва обуви делает связь с землей эфемерной. Современный грек и грек эпохи Гесиода практически в одних и тех же условиях одеты совершенно по-разному. Для Гесиода зима – время лютого холода, а одежда, которую он советует носить, – более длинный и толстый хитон, однако плохо спасающий от стужи⁶. Ныне афинянин если и не радуется зиме, то чувствует себя вполне комфортно в кожаной обуви, пуховой куртке поверх футболки или фланелевой рубашки; мужчины щеголяют в шерстяных пальто, женщины предпочитают меховые (!) шубы, которыми славится Эллада XXI в.

Наше отношение к комфорту «облачивает» нас исключительно плотно, разрывая связь с окружающей средой. Здание превратилось в герметичный пакет, который благодаря высоким технологиям строго дозирует связь с внешним миром. Утепленные стены, пластиковые окна с микровентиляцией, общая вентиляция и воздухоочистительные фильтры, центральное отопление, создающее тепловой контур, потоки горячего воздуха, отсекающие холл от улицы, климат-контроль, охлаждающий внут-

реннее пространство, защищая нас от тропической жары – все это превращает дом в автономную систему, похожую на подводную лодку капитана Немо. Подобно тому как Жюль Верн смотрел в будущее, предсказывая новинки технического прогресса, мы смотрим на настоящее, обнаруживая, как далеко ушли от первых образцов оболочек начального этапа истории.

Космические путешествия демонстрируют абсолютную изоляцию человеческого тела от окружающей среды, и если иные оболочки допускают точки соприкосновения телесного и внешнего – щеки горят на морозе, голову палит зной, – здесь любое отклонение от абсолюта ведет к смерти тела. Корабль и скафандр – это дом, костюм и транспорт в единстве своих функций и технических характеристик. Это логическое завершение развития и апогей техногенной оболочки человеческого тела. Как только человек шагнул за пределы планеты, он потерял возможность для компромисса в паузине связей тела и окружающего пространства, его оболочка становится непроницаемой границей между ним и Вселенной. Освободившись от земного мира и естественного для себя биогеоценоза, завоевав свободу, тело тут же потеряло ее, вынужденное жить в тесном пространстве герметичного кокона из стали и титана. Путь к свободе для тела – это возвращение назад (в состояние зависимости от факторов нашей земной биосферы) или дорога в глубины космоса в поисках новых планет, новой среды обитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позволим себе воспользоваться военно-техническим термином. Оболочечная (оболочечная) пуля – современный широко распространенный боеприпас, имеющий так называемую рубашку из меди вокруг свинцового сердечника.

² Ваза с росписью в виде женской фигуры из Маллии (2200–2000 гг. до н.э.; Крит).

³ Сосуды и модели: из Градешницы (начало V тыс. до н.э.), модель храма из Аргоса (около 725 г. до н.э.). Наиболее близка по форме чаше модель святилища из Гелайшти-Недя в Северной Молдавии (IV тыс. до н.э.).

⁴ Глиняная модель четырехколесной повозки с кузовом (около 3000 г. до н.э.; Будакалас, Будапешт). Шумерский сосуд в виде двухосной повозки и с головой барана (конец IV тыс. до н.э.; Фара).

⁵ Ритон в форме головы девушки (Тарквинии, Национальный музей). Двусторонний карикатурный аск из глины (III в. до н.э.; Рим, Музеи Ватикана).

⁶ Гесиод. «Труды и дни».

ЛИТЕРАТУРА

1. Нельсон Дж. Проблемы дизайна. М. : Искусство, 1971.
2. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники. М. : ИНФРА-М, 1998.
3. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов : в 4 т. М. : Академия Моды, 1993. Т. 1.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008.
5. Лукоянов С.М. Африка (физико-географическая характеристика). Л. : ЛГУ, 1962.
6. Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии : доклад / Институт биологии развития РАН (19 марта 2009 г.). URL: http://evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm (дата обращения: 20.09.2011).
7. Большаков А.О. Человек и его двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб. : Алетей, 2001.
8. Дюби Ж. Время соборов: искусство и общество 980–1420 годов. М. : Ладомир, 2002.
9. Забалуева Т.Р. История архитектуры и строительной техники. М. : ЭКСМО, 2007.
10. Палладио А. Четыре книги об архитектуре. М. : Архитектура-С, 2007.
11. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М. : Архитектура-С, 2006.
12. Тайны соборов, или соборы Тайны / под ред. А. Черинотти. М. : Ниола-Пресс ; Вече, 2007.
13. Кларк К. Нагота в искусстве. Исследование идеальной формы. СПб.: Азбука-классика, 2004.
14. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М. : РОССПЭН, 2006.
15. Страбон. География в 17 книгах. Л. : Наука, 1964.
16. Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2008.
17. Нессельштраус Ц.Г. Искусство раннего Средневековья. СПб. : Азбука, 2000.
18. Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2010.
19. Voragine J. de. The Golden Legend. Readings on the Saints : II vol. Princeton : Princeton University Press, 1995.
20. Стикко М. Святой Франциск Ассизский. Милан : Христианская Россия, 1992.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 23 апреля 2012 г.